

С красоты начинается ужас¹.
Рильке

¹ Райнер Мария Рильке. Дуинские элегии. Элегия первая. Здесь и далее перев. В. Микушевича. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Девочка-подросток на подиуме обнажена. На уровне нашего взгляда гладкий живот и темный эллипс пупка. Голова склонена набок, глаза опущены, одна рука прикрывает лобок, другая на бедре, колени сведены вместе и чуть согнуты. Она окрашена охрой и сиеной натуральной. Тени из сиены жженой подчеркивают грудь и обводят линию щиколоток и щелку. Мы не должны бы говорить «щелку», поскольку речь идет о произведении искусства, но при взгляде на это ничего другого в голову не приходит. Крохотная вертикальная впадина, лишенная даже следа волос. Мы обходим подиум и рассматриваем фигуру со спины. На смуглых ягодицах играют блики света. Если отойти назад, сложение ее кажется более невинным. Небольшие белые цветы ковром покрывают ей волосы. У ее ног тоже цветы — лужица молока. Даже на расстоянии ощущается этот странный, идущий от нее запах, будто пахнет благоухающим от дождя лесом. Рядом с заградительным шнуром — табличка с названием на трех языках: «Падение цветов».

Состояние транса, в которое погружена публика, прерывают мелодичные ноты громкоговорителя: музей закрывается. Женский голос сообщает об этом по-немецки, потом по-английски и по-французски. Как правило, все понимают или по крайней мере догадываются, о чем речь. Преподавательница престижного венского колледжа собирает своих овец в школьной форме и пересчитывает,

чтобы проверить, все ли на месте. Она привела детей на выставку, несмотря на то что тут обнаженные тела. Это не важно, тела — произведения искусства. Для японцев главное, что им не разрешили фотографировать, поэтому на выходе они не улыбаются. Впрочем, они довольно скоро утешаются, найдя каталоги с цветными фотографиями по пятьдесят евро. Красивый венский сувенир.

Десять минут спустя в уже опустевшем зале происходит нечто неожиданное. Появляются несколько мужчин с бейсболками на отворотах пиджаков. Один приближается к подиуму с девочкой-подростком и громко говорит:

— Аннек.

Ничего не происходит.

— Аннек, — повторяет он.

Дрожь ресниц, поворот шеи, открывается рот, тело содрогается, зарождающаяся грудь колеблется дыханием.

— Сама можешь спуститься?

Она кивает, но слегка колеблется. Мужчина протягивает ей руку.

Наконец девочка сходит с подиума, взметая ногой рой лепестков.

Аннек Холлех открыла краник первого из флаконов, подсоединенных к металлическому хромированному душу, и вода сделалась зеленой. Потом она открыла второй краник и растерлась красной водой. Потом встала под синий и фиолетовый водопад. Каждая жидкость удаляла только один из четырех въевшихся в ее тело составов: красок, масел, лаков для волос, духов. Флаконы были пронумерованы и окрашивали воду в разные цвета, чтобы она не запуталась. Первыми под дробь капель с нее сошли краска и лаки. Труднее всего было смыть запах влажной земли. Кабинка наполнилась паром, и ее тело исчезло за завесой жидкой радуги. В зале еще двадцать кабинок, в каждой растушеванный силуэт. Слышалось гудение душ.

Через десять минут, завернувшись в полотенца, в облаке пара, она босиком прошла в раздевалку, вытерлась, причесалась, смазала все тело увлажняющим, а потом защитным кремом, помогая себе губкой на длинной ручке, чтобы достать до спины, и спрятала безбровое лицо под двумя слоями косметики. Потом открыла свой шкафчик, сняла с вешалки одежду. Всё — совсем новое, недавно купленное в магазинах Юденгассе, Кольмаркта, в Хаас-Хаус и на роскошной улице Кернтнер. Ей нравилось покупать одежду и аксессуары в городах, где она выставлялась. Кроме этого, за семь недель в Вене она купила фарфор и стекло фабрики «Аугартен», конфеты «Демель» для матери и небольшие украшения для своей подруги Эммы ван Снелль, которая тоже была картиной, но выставлялась в Амстердаме.

В ту среду, 21 июня 2006 года, Аннек пришла в музей в розовой блузке, жилете-милитари и просторных брюках со множеством карманов. Она достала все эти вещи из шкафчика и оделась. Нижнее белье она не носила — это не рекомендуется, если ты должен выставляться полностью нагим (остаются следы). Она сунула ноги в мягкие туфли в форме двух медвежат, застегнула черный браслет часов с узким циферблатом и взяла сумку.

На соседнем кресле в зале маркировки сидела Салли, картина с подиума номер восемь. На ней была малиновая блузка без рукавов и джинсы. Они поздоровались, и Салли сказала:

— Хоффманн считает, что с меня сходит пурпур, а это равнозначно потере оттенков желтого на картине Ван Гога. Он хочет попробовать более насыщенный цвет, но в отделе ухода считают, что это может испортить мне кожу. Как тебе, а? Всегда один и тот же спор: одни хотят творить из тебя картину, другие тебя оберегают.

— Так и есть, — согласилась Аннек.

Подошел служащий с двумя коробками этикеток. Салли открыла свою коробку и взяла этикетку.

— Как я мечтаю о кровати! — призналась она. — Не думаю, что быстро засну, но я бы лежала, глядела в потолок и наслаждалась тем, что лежу. А ты?

— Мне сначала надо позвонить матери. Я ей каждую неделю звоню.

— Где она сейчас? Она же много ездит, да?

— Да. На Борнео, фотографирует обезьян. — Аннек нацепила одну из этикеток на шею и защелкнула застежку. — Иногда присылает мне по мейлу фото обезьяньей парочки.

— Что, серьезно?

— Серьезно. Не знаю, может, пытается намекнуть, что мне пора замуж.

Салли сдержанно фыркнула, обнажив замечательные белые зубы.

— По крайней мере тебе она хоть что-то присылает. Мой нью-йоркский папа не может мне отсканить даже фото парочки хот-догов. Ему никогда не нравилось, что его дочь стала ценной картиной.

Молчание. Аннек застегнула последнюю этикетку на щиколотке. На ее шее, на правом запястье и на правой щиколотке красовались три ярко-желтых картонных прямоугольника восемь на четыре сантиметра на черных шнурках. Салли тоже прицепила свои. В зеркале они видели, как уходят первые картины: Лаура, Кейси, Давид, Эстефания, Селия. Парад атлетических фигур с бирками.

— У меня опять пропали месячные, — равнодушно заметила Аннек. — То появляются, то пропадают, еще с Гамбурга.

Салли посмотрела на нее:

— Это не страшно, у нас у всех так. Лена говорит, что ее менструации похожи на зонтик: находятся и теряются, снова находятся и снова теряются. Еще одно следствие того, что ты картина, ты же знаешь.

— Да, знаю, — согласилась Аннек, не сводя глаз с зеркала, и заключила: — Да мне и лучше без них.

— Слушай, ты что-нибудь планируешь на следующий понедельник?

Вопрос ее заинтриговал. На день закрытия музея она никогда не планировала ничего, кроме обычной беготни по магазинам с безлимитной кредитной карточкой. Все остальное — одинокие прогулки по Хофбургу, Шонбрунну, Бельведеру (на самом деле не такие уж и одинокие, потому что с ней были телохранители), посещение Музея истории искусства или собора Святого Стефана, даже балеты и спектакли июньского Венского фестиваля — все это наводило на нее скуку и пресыщало до тошноты. Аннек спрашивала себя, что делать такой картине, как она, в этом городе, где повсюду искусство. Ей очень хотелось продолжить турне за пределами Европы. Фонд обещал, что на следующий, 2007 год они поедут в Америку и в Австралию. Может, там найдутся настоящие развлечения.

— Ничего, — ответила она. — А что?

— Мы с Лаурой и Леной собрались на целый день в Пратер. Пойдешь с нами?

— Ладно.

Внезапно она почувствовала, как ее заливает теплая волна благодарности к Салли. Четырнадцатилетняя Аннек Холлех была самой юной картиной выставки (Салли, к примеру, на десять лет старше). Когда наступал выходной день, все остальные картины расходились каждая по своим делам. Никому до нее не было дела. Для любой девочки, кроме Аннек, привыкшей к одиночеству и тишине музеев, галерей и частных домов, это давно стало бы невыносимым. Предложение Салли растрогало ее, но заметить это было бы очень сложно, так как ее лицо выражало только эмоции, заложенные художником.

— Спасибо, — просто сказала она, остановив на Салли сине-зеленый взгляд.

— Не стоит благодарности, — ответила та. — Я это делаю, потому что мне хочется побыть с тобой.

И эта любезная фраза снова растрогала Аннек.

Они спускались в лифте. Две Аннек с прямыми светлыми волосами, с двумя желтыми этикетками на шее отражались в темных стеклах очков Диаса. Оскар Диас был дежурным телохранителем, сопровождавшим ее в гостиницу. Для Аннек у него всегда была наготове учтивая улыбка и банальная вежливая фраза. Однако в эту среду он был необычайно лаконичен. Ей хотелось поговорить с ним — после беседы с Салли на душе у нее было очень легко, но Аннек вспомнила, что картинам не рекомендуется говорить с охранниками, и предпочла не обращать внимания на молчание Диаса. Ей и так есть о чем подумать.

Уже два года она была «Падением цветов», одним из шедевров Бруно ван Тисха, и понятия не имела, сколько времени осталось до того, как художник решит ее заменить. Месяц? Четыре? Двенадцать? Двадцать? Все зависит от того, насколько быстро будет взростеть ее тело. По ночам, лежа нагишом в широкой гостиничной кровати, она долго водила пальцем по краю этикеток, привязанных к ее шее или к запястью, касалась рукой вытатуированной на левой щиколотке подписи (буквы «БвТ» цвета индиго) и молча молила далекого Бога искусства и жизни, чтобы ее тело застыло, пожалуйста, чтобы исподволь не менялось, чтобы не налилась грудь, не поднялись, как глина на гончарном кругу, бедра, чтобы расписывающим ее ноги рукам не приходилось день ото дня вести все более длинную и крутую кривую.

Она хотела навсегда остаться «Падением цветов».

Стать шедевром стоило ей шести лет усилий. Она была всем обязана своей матери, которая открыла в ней задатки полотна и привела в Фонд, когда ей было всего восемь. Ее отец, конечно, воспротивился бы, но он никак не мог повлиять на события, потому что уже не жил с ними: брак распался почти пять лет назад, и Аннек его почти не помнила. Знала лишь, что он был алкоголиком, человеком грубым и неуравновешенным, старомодным художником

по тканым холстам, который упорно желал зарабатывать на жизнь своим ремеслом и никак не хотел признать, что неживые полотна уже вышли из моды. С тех пор как родительские права перешли к матери Аннек — и особенно с тех пор, как Аннек начала учиться в Амстердаме, чтобы стать профессиональным полотном, — этот чужой раздражительный мужчина беспокоил их постоянно, за исключением частых периодов его пребывания в больницах и тюрьмах. В 2001 году, когда Аннек выставлялась в амстердамском музее Стеделейк в картине «Близость» — первой работе, которую написал ею ван Тисх, — ее отец вдруг явился в зал. Аннек узнала искаженные ужасом черты лица и покрасневшие глаза, разглядывавшие ее с расстояния десяти шагов, рядом с оградительным шнуром, и поняла, что произойдет, за мгновение до того, как все началось. «Это моя дочь! — кричал мужчина вне себя. — Она нагишом выставляется в музее, а ей только девять лет!» Понадобилось вмешательство группы охраны в полном составе. Разразился скандал, за ним последовал очень короткий суд, и ее отец снова оказался в тюрьме. Аннек не хотела вспоминать об этом неприятном эпизоде.

Кроме «Близости», мэтр написал ею еще две картины: «Признания» и «Падение цветов». Последнюю из них, созданную в 2004 году, считали одним из величайших произведений Бруно ван Тисха; часть специализированной критики осмеливалась даже называть ее одной из важнейших картин всех времен. Теперь имя Аннек было вписано золотыми буквами в историю искусства, и мать очень ею гордилась. Она часто говаривала: «Все это еще пустяки. У тебя впереди вся жизнь, Аннек». Но Аннек терпеть не могла слова «впереди вся жизнь», она не хотела расти, ее тревожила возможность лишиться «Падения цветов», возможность того, что в этой картине ее сменит другая девочка.

Месячные ворвались в жизнь, как красное пятно на чистый холст, как знак опасности. «Осторожно, Аннек,

ты растешь, Аннек, скоро ты будешь слишком взрослой для этой картины», — предупреждал ее этот знак. Уж конечно, она рада была избавиться от месячных, хотя бы только на время! Она молилась Богу искусства (Бог жизни ее ненавидел), но Богом искусства был Мэтр, который в один прекрасный день просто скажет ей: «Мы должны заменить тебя, чтобы картина продолжила свое существование».

Она попыталась изгнать тоскливые мысли из головы. Бесплезно: мысли никуда не желали уходить.

В гараже было темно, там царило колдовское эхо моторов. В ту ночь дежурил турок-иммигрант по имени Измаил. Он помахал Диасу рукой. От улыбки кончики его черных усов поднялись кверху. Диас поприветствовал его, открывая заднюю дверцу фургона. Измаил видел, как Аннек изогнулась, влезая в машину, как охристая тень внутри постепенно заштриховала ее фигуру: спину, очертания бедер, ягодицы, длинные ноги, одну мягкую туфлю, другую. Дверь закрылась, фургон тронулся с места, развернулся, чтобы выехать из гаража, и удалился. Отель «Вена-Марриотт» находился на Рингштрассе, в нескольких кварталах от художественного комплекса Музеумсквартир, и дорога была короткой и безопасной, поэтому у Измаила не было никаких оснований предполагать, что может произойти что-то плохое или даже просто необычное.

Он не догадывался, что видит Аннек Холлех в живых последний раз.

Шаг первый

Цвета
палитры

Белый, красный, синий, фиолетовый, телесный,
зеленый, желтый и черный — вот основные цве-
та палитры в живописи по человеческому телу.

Бруно ван Тисх.

Трактат о гипердраматической живописи

Ах как бы мне хотелось попасть в Зазеркалье!¹

Льюис Кэрролл

¹ Льюис Кэрролл. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Здесь и далее цитируется в перев. Н. Демуровой.

Когда какая-то женщина в сопровождении Гертруды спустилась на нее посмотреть, Клара уже больше двух часов была окрашена в титановые белила. Краешком глаза она различила черные очки, шляпку с цветами и костюм жемчужного цвета. С виду — важная клиентка. Она говорила с Гертрудой и одновременно взглядом оценивала Клару.

— Ты знаешь, что мы с Рони два года назад купили картину Бассана? — Сильный аргентинский акцент. — «Девушка, держащая солнце», вот как она называлась. Рони нравилось, как блестят плечи и живот. Но я сказала: «Рони, ради бога, у нас так много картин, куда мы поставим эту?» А Рони говорил: «Не так уж их и много. У вас полный дом старого хлама, и я не жалею». — Смех. — Так вот, знаете, что мы в конце концов сделали с картинкой? Подарили ее Анн.

— Очень хорошо.

Женщина, наклоняясь, сняла очки.

— Где здесь подпись?.. А, на бедре... Красиво... Так о чем это я?..

— О том, что вы подарили картину Анн.

— Ах да. Им она очень понравилась, ну, Анн и Луису, ты же их знаешь. Анн хотела узнать, дорога ли аренда. Я ей говорю: «Не беспокойтесь, платим мы. Это вам подарок». Потом я спросила у картины, не возражает ли она против переезда в Париж, к моей дочке. Она сказала, что нет.

— Купленная картина не должна возражать против переездов за своим хозяином, — отрезала Гертруда.

— Мне нравится обращаться с картинками осторожно... Эта, конечно, очень красива. — «Р» вибрировало у нее во рту, как короткое замыкание. — Как, ты говорила, она называется?..

— «Девушка перед зеркалом».

— Красиво, очень красиво... С твоего позволения, Гертруда, я возьму каталог.

— И не один.

Они ушли. Клара осталась неподвижной. «Красиво, красиво, очень красиво, но покупать ты меня не собираешься. Это и за километр видно». Она знала, что, когда находишься в полном «покое», не следует отвлекаться, но ничего не могла поделать. Ее беспокоило, что ее никто не покупает.

Чего не хватало «Девушке перед зеркалом»? Она не знала. Картина не была ничем сверхъестественным, но ее покупали и в гораздо худших картинах. Она была полностью обнажена и стояла, прикрыв лобок правой рукой, левую отведя в сторону, слегка раздвинув ноги, сверху донизу окрашенная в различные оттенки белого. Волосы представляли собой сбившуюся массу глубоких белых тонов, а на теле играли блестящие и глянцевые оттенки. Перед ней вздымалось врезанное в пол прямоугольное зеркало без рамы высотой почти два метра. И все. Стоимость: две тысячи пятьсот евро и триста евро месячного содержания — цена, доступная для любого посредственного коллекционера. Алекс Бассан заверил, что ее быстро продадут, но она выставлялась в галерее «ГС» на мадридской улице Веласкеса уже почти месяц, и никто еще не сделал серьезного предложения. Была среда, 21 июня 2006 года, и договор между художником и «ГС» истекал через неделю. Если к тому времени ничего не произойдет, Бассан ее заберет, и Кларе придется ждать, пока какой-то другой художник не захочет написать ею оригинал. Но пока это произойдет, где ей взять деньги?

В естественном виде, без краски, Клара Рейес была платиновой блондинкой с вьющимися волосами до плеч, голубыми глазами, невинно-порочным выражением лица и изящным, обманчиво хрупким телом, отличавшимся удивительной физической выносливостью. Чтобы поддерживать себя в форме, ей нужны были деньги. Она купила мансарду с белыми стенами на улице Августо Фигероа и оборудовала в гостиной маленький спортзал с тренировочным ковриком, зеркалами по стенам и тренажерами. В дни, когда галереи были закрыты и ей не нужно было позировать в картинах, она занималась плаванием. Клара ела диетические продукты и контролировала фигуру электронными датчиками веса. Ежедневно пользовалась тремя различными кремами для поддержания требуемой мягкости и упругости кожи. Удалила две небольшие бородавки и шрам на левом колене. Месячные пропали как по мановению волшебной палочки благодаря точно рассчитанному приему медикаментов, а физиологические потребности она контролировала с помощью таблеток. Сделала полную перманентную депиляцию, включая брови, остались только волосы на голове. По желанию художника брови и волосы на лобке легко изобразить, но они долго отрастают. Все это были не капризы, а ее работа. На то, чтобы быть картиной, уходит много денег, а много денег можно заработать, только будучи картиной. Любопытный парадокс, который заставлял ее думать, что ван Тисх, величайший из великих, был прав, утверждая, что искусство — это всего лишь деньги.

В конце концов, в этом году дела у нее шли неплохо. На Рождество одна предпринимательница из Каталонии купила ее в картине «Клубника» Вики Льеда, но дело в том, что у Вики очень верная клиентура, и она хорошо сбывала все свои работы. В этой картине Клара была в паре с Йоли Рибо: обе сидели на постаменте, окрашенные в телесные тона, сплетясь руками и ногами и держа зубами пластмассовую клубнику красного хинакридона. Поза была простой, хотя им ежедневно приходилось

пользоваться аэрозолем для уменьшения слюновыделения («Представь себе картину, исходящую слюной, — сказала Вики. — Как неэстетично»). Но если привыкнешь, держать во рту пластмассовую клубнику шесть часов в день — самое простое дело на свете. А благодаря гипердраматизму взаимодействие с Йоли было идеальным: одна на двоих клубника, одно дыхание, взгляд и прикосновение, как у настоящих любовниц. Вики подписала их на дельтовидных мышцах: «В» и горизонтальное «Л» красного цвета. Месяц они простояли в доме предпринимательницы, а потом их заменили. И снова — на поиски работы. В марте она заменила одну француженку в наружной картине португальского художника Гэмайю в Марбелье, а в апреле дублировала Кэти Кабильдос в «Жидком элементе II» работы Жауме Оресте, еще одной наружной картине в Ла-Моралехе, но, если ты не оригинал, платят тебе немного.

Наконец в мае — чудесная новость. Ей позвонил Алекс Бассан. Он хотел написать ею оригинал. «Алекс, как же ты кстати», — подумала она. Художник он был не методичный, но его картины продавались. Много лет назад он написал с Кларой два оригинала, и она привыкла к его манере работы. Клара тут же приняла предложение.

В начале мая она приехала в Барселону и устроилась в двухэтажной квартире рядом с проспектом Диагональ, где жил и работал Бассан. Клара спала на одной из трех раскладных кроватей, которые были в мастерской. Две другие занимали девочка-румынка (или болгарка?) одиннадцати-двенадцати лет, которую Бассан в свободное время использовал для эскизов, и другой эскиз по имени Габриэль, которого художник прозвал Несчастьем, потому что в первый раз он использовал его в картине с таким названием. Несчастье был худой и тихий. На верхнем этаже жили Бассан с женой. Пока Клара работала, девочка как привидение бродила по мастерской с японской электронной куклой, которую нужно было кормить, растить